

Примитивное искусство авангарда: Хуго Балль и Пабло Пикассо

Юркина Ольга Сергеевна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: ola_yurkina@mail.ru

Рубеж XIX–XX вв. – кризис европейской цивилизации, разрушение традиционной системы ценностей (антропоцентризм, рационализм) и рождение искусства авангарда, смыслом которого становится постижение иррационального, подсознательного, «интуитивного» (А.Бергсон). Интерес европейских художников к культуре «примитивных» народов – результат разочарования в традиционных методах западноевропейского искусства, поиск новых форм, альтернативы «устаревшим» понятиям. 1906–1907 гг. – открытие примитивизма как особой творческой концепции, нового художественного языка.

Первыми серьезный интерес к искусству примитивных народов проявили художники-фовисты – А. Матисс, А. Дерен, М. Вламинк. В 1906 г. Вламинк приобретает габонскую маску фанг, которая станет символом «примитивизма» авангарда [Rubin 1991: 1-79,254]. В 1907 г. Пабло Пикассо попадает на выставку в музее этнографии Трокадеро, которая, как он позже признается, откроет ему истинный смысл живописи. «Эти маски были больше, чем просто скульптура. Негры – заступники, заклинатели. Против всего, против неизвестных, враждебных духов. Я понял: я тоже против всего. Все неизвестное – враг. Я понял, для чего неграм нужна была скульптура. Все идолы выполняли одну и ту же функцию. Они были оружием. Чтобы помочь людям стать независимыми, чтобы люди не подчинялись духам. Если мы *придаем форму* духам, мы становимся *независимыми*. *Духи, подсознательное, эмоции – все одно*. Я понял, почему я художник. «Авиньонские девицы» появились, должно быть, в тот самый день. Это был мой первый опыт экзорцизма...» [Foster: 37].

В примитивном искусстве Пикассо открывает смысл искусства современного: воплотить иррациональность мироздания, используя «магию» первобытного ритуала. Каждое произведение примитивного искусства рассказывало миф, восстанавливало связь человека с универсумом, «напоминало» о тайне создания мира, связанной с силой слова.

Художники-авангардисты не ограничивались заимствованием примитивных форм и традиций, но стремились перевоплотиться в первобытного творца, вкладывая в свои произведения не эстетический, но сакральный смысл. «В этом нет ни капли эстетики, это магия, которая выступает посредником между враждебными силами и нами, это возможность почувствовать власть, подчинить форме наши страхи и страсти. В день, когда я осознал это, я нашел свой путь» [Gilot Lake: 249]. Художник-примитивист создает маски (Пикассо, Э.Нольде, экспрессионисты), дает воплощение своим страхам и страстям, «стихийному» в себе и в мире. Скульптура (Пикассо, К.Бранкузи) по форме напоминает фетиши и магический инвентарь африканских ритуалов.

Авангард смешивал различные виды искусства, стремясь к созданию Gesamtkunstwerk, где, как в первобытном ритуале, пение, декламация, танец и музыка слились бы воедино. Если живопись изображала обряд, передавая ритмы красками («Танец» и «Музыка» (1910) Матисса, «Танец вокруг золотого тельца» (1910) Нольде), то поэзия имитировала сакральное песнопение, воссоздавала язык воображаемых древних обрядов – бессловесный, состоящий из звуков и музыкального ритма.

Художники-авангардисты «перевоплощались» в африканских ремесленников, поэты – в заклинателей. Т.Тцара отождествлял себя с колдуном-гриотом, Р.Хюльзенбек выступал за усиление в словотворчестве негритянского ритма и был готов заменить всю литературу барабанной дробью. Немецкий поэт-дадаист Хуго Балль (1886–1927) писал: «...две трети прекрасных, звучных слов, которым не в состоянии противостоять человеческая душа, взяты из древних заклинаний. Использование «сокращений», летящих, наполненных магией слов и звуковых фигур, типично для нашего сочинительства» [Дадаизм: 101].

Дадаисты использовали термин «негритянское искусство» для обозначения языкотворчества (звуковые и симультанные стихи), для выражения элементарных, стихийных сил через ритмику, звучание и колебание звуков, гармонизацию гласных и согласных. Дада возрождает ритуал, организуя импровизированные негритянские вечера с африканскими масками (М. Янко), с музыкой, танцами и декламацией симультанных стихотворений (в несколько голосов). Процесс «произнесения» не менее важен, чем процесс сочинения текста. Произнести – означает освободить магическую, сакральную силу Слова. Стихотворение считается законченным лишь тогда, когда оно было произнесено и заклинание вступило в действие. ««Poème simultan» [симультанная поэма–О.Ю.] исходит из ценности голоса. Этот орган олицетворяет собой душу, индивидуальность, блуждающую в сопровождении демонических спутников. Шумы составляют фон; нечленораздельное, тотальное определяющее. Стихотворение должно показывать столкновение vox humana с угрожающим, опутывающим и разрушающим миром, от ритма и шумов которого не скрыться», – писал Балль в «Цюрихском дневнике» (30 марта 1916) [Дадаизм: 98]. «Человеческий голос» у Балля – магический посредник, о котором говорил Пикассо: он противостоит враждебным демонам, дает форму неизвестному – «подсознательному, эмоциям», подчиняет форме страхи и страсти и получает власть над хаосом. «Мы хотели придать изолированной вокабуле силу заклинания и жар небесных светил. И свершилось чудо: наполненная магией вокабула произнесла заклинание и родила новое предложение, которое не обусловлено каким-либо обычным смыслом и никак с ним не связано», [Дадаизм: 25]– утверждал Балль, цитируя собственные стихи: эломен эломен лефиталоминаль / вольминускайо / баумбала бунга / ацикам гластулафайрофим флинси / эломинускула плюплюбаш / раллалалайо («Облака», 1916).

Однако имитация древнего обряда, как бы серьезно к нему не относились авангардисты, оставалась блестящей модернистской игрой. Авангардист экспериментировал, апеллировал к подсознанию и бессознательному, следуя принципу спонтанности в творческом процессе, но делал это на сознательном уровне. Модернист оставался художником современным, интерпретатором примитивного искусства, нередко в совершенно чуждом примитивным культурам смысле. Тцара замечал по этому поводу: «Дада пыталась... вновь обрести, в глубинах подсознательного, источник экзальтации, истинной поэзии» [Tzara 1975: 401].

Авангардист – гениальный эклектик, свободный в выборе художественной формы и вложенного в нее смысла. Так, в «Авиньонских девицах» (1907) Пикассо искусствоведы находят стилистические элементы не только скульптуры Африки и Океании, но и иберийской архаики, отмечают влияние Эль Греко, маньеризма, Сезанна и Гогена. Балль читал свои звуковые стихи (1916) на манер церковных песнопений, вдохновляясь не только африканской экзотикой: «мой голос, не найдя другого выхода, выбрал каденцию церковного песнопения, ритм отпевальных молитв католических церквей Востока и Запада» [Дадаизм... 2002: 104].

Литература

Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы. М., 2002.

Foster, Hal. Scènes «primitives», Cahiers du Musée National D'Art Moderne. n°48, été 1994.

Gilot, Françoise. Lake, Carlton. Vivre avec Picasso. P., 1965.

Rubin, William. Le Primitivisme dans l'art du XXe siècle. Les artistes modernes devant l'art tribal. P., 1991.

Tzara, Tristan. Œuvres complètes. V.1–5. P., 1975. V.1.